

туры послужило главным источником, откуда славянский культурный мир черпал свои сведения об античной мифологии и истории. Будучи во многом противоположна по содержанию и по стилю строго монашеской Хронике Георгия Амартола («грешника»), тем не менее насыщенная языческими элементами Хроника Иоанна Говоруна (так можно перевести с сирийского языка прозвание этого писателя) оказалась на русской почве тесно переплетена с первой. Где впервые были переведены обе эти Хроники, вопрос до сих пор остается без окончательного решения. Но одно ясно, что они проникли на Русь не позднее XI в. и подвергались тут всесторонней переработке. Обе Хроники, образовав тесный сплав, составили вместе так называемый Хронограф по великому изложению, откуда уже брались многочисленные заимствования в текст Начальной летописи. Особенно характерна восходящая в основном к переводу Малалы статья 1114 г., о которой уже немало написано.¹⁷⁷ Затем обе Хроники вошли в состав Еллинского и Римского летописца первой редакции. Оттуда материал этих хронографических произведений с добавлением новых источников попадает во вторую редакцию этого же летописца и в Хронографическую палею. После этого выдержки из Хроники Малалы проникают в так называемый Иудейский хронограф, создававшийся в Западной Руси в XIII в. Наконец, уже в более позднее время мы находим тексты из Хроники Малалы в различных хронографических сборниках, как например «Академический» (БАН, 45.13.4), тождественный с ним «Уваровский» (ГИМ, Увар. № 3/18), «Софийский» № 1454 и другие, откуда В. М. Истрину при подготовке своего издания приходилось их извлекать буквально по кусочкам. В стилистическом отношении текст Хроники Малалы наряду с «Александрией» и «Историей» Иосифа способствовал становлению древнерусского «этикета» воинских повестей, оказав воздействие на описание боевых действий в летописях.¹⁷⁸

Кроме прямого текстуального и стилистического воздействия на древнерусский летописный стиль, мы можем указать еще на один тип взаимоотношений между этой Хроникой и летописями, на который до сих пор еще не обращалось внимания.

В тексте Малалы мы очень часто встречаем своеобразные словесные портреты различных исторических деятелей, преимущественно римских и византийских императоров. Обычно эти выпуклые характеристики находятя после указания лет царствования или завершают собой хроникальный рассказ о деятельности того или иного лица. Наряду с внешними чертами портрета иногда даются и отдельные стороны моральной характеристики. Приведем ряд примеров из текста X книги Хроники Малалы. В главе III мы читаем об императоре Тиверии: «Кесарьствова Тиверіи, Оулінъ сынъ, лѣтъ 22 ... бѣ же възрастомъ средній, старъ, тонокъ, доброокъ, смагль, крокорявъ, любодарливъ, дѣлолюбивъ».¹⁷⁹ В главе V находим характеристику Гайоса (Калигулы): «Бѣ же высокъ, лѣпъ, тонкимъ лицемъ, роумянъ, наусъ, простъ власы, маламы очима, борзорѣчивъ, гнѣвливъ, велед(у)шенъ».¹⁸⁰

¹⁷⁷ В. М. Истрин. Хронограф Ипатского списка летописи под 1114 годом. — ЖМНП, 1897, ноябрь, стр. 83—91.

¹⁷⁸ А. С. Орлов. 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (до конца XVII в.). — ЧОИДР, кн. 4, 1902, стр. 1—50; 2) К вопросу об Ипатьевской летописи. — ИОРЯС, т. XXXI, 1926, стр. 93—126.

¹⁷⁹ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книга X Одесса, 1913, стр. 7.

¹⁸⁰ Там же, стр. 15.